

что без учета традиции легко преувеличить оригинальность византийских “Тактик”, степень соответствия их описаний реальной картине военного дела.

Как пример могу привести тему катафрактов – тяжелой кавалерии, возрожденной Никифором Фокой, в освещении которой встречаются досадные неточности. Первые подразделения катафрактариев появились у римлян не в третьем (с. 211, 214), а во втором веке нашей эры⁷ и под влиянием не персов, а сарматов. Сравнение кавалерийского клина с журавлиным (с. 288) отсутствует у Арриана, но есть у Асклепиодота (Tact. 7.3). Меня не убедила трактовка тактики катафрактов X в. Для Макгира их “треугольное” (название из PM, на деле трапещевидное) построение являет аналог “скифскому” клину Арриана (Tact. 16.6). Тот и другой строй предназначались для нанесения таранного удара по противнику. Если так, напрашивается сравнение по типу наступательного оружия. Всадники Арриана почти наверняка имели длинные копья наподобие македонской сариссы⁸. В схеме кавалерийского клина-трапедии катафрактов, реконструируемой Макгиром (с. 287), первые пять шеренг состоят из булавоносцев. Почему не копьеносцы (kontaravtoi)? Как объяснить разницу в вооружении? Можно ли считать описание вооружения катафрактов (PM III. 60–65) вполне

ясным, или оно оставляет простор для сомнений? Макгир обходит эти вопросы. Обращение к историческому материалу мало помогает делу. Макгир (с. 313) приводит одно место из Льва Диакона (144.23–145.3), где Феодор Лалакон действует булавой в гуще врагов. Но из текста Льва никак нельзя заключить, что Феодор начинал бой в первых шеренгах клина, скорее следует предполагать ситуацию общей схватки, когда ряды воинов перемешались. Зато странным образом Макгир проходит мимо гораздо более явных случаев, приводимых им же, но по другому поводу (с. 314–315; 316), случаев, когда в голове строя катафрактов располагались копьеносцы с длинными копьями (Leo Diac. 59.2–22; 133.22–134.7; 140.10–13, 22–23; 143.15–24). Похоже, что автор оказался в плену некой *idée fixe*, выискивая в источниках только те факты, которые подтверждают правоту слов императора-солдата.

Сильные стороны книги видны невооруженным глазом, слабости приходится рассматривать под лупой. Замечания, высказанные здесь, не должны поколебать общего впечатления от прекрасной работы, которая сослужит добрую службу всем, занимающимся изучением греческой военной литературы – от античности до позднего средневековья.

С.М. Перевалов

Максимович К.А. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М.: “Языки русской культуры”, 1998. 574 с.

Никон Черногорец, плодовитый писатель конца XI–XII в. и человек интересной судьбы, в значительной степени обойден вниманием византинистов. Подавляющая часть его сочинений еще не издана, в том числе и “Пандекты” – обширная компиляция канонического права, организованная по тематическому принципу. Именно это делает публикацию К.А. Максимовича, предназначенную главным образом специалистам по истории русского языка, столь важной для византиноведения.

Автор издает юридическую часть древнерусского перевода “Пандектов”, осуществленного в XII в. (до сих пор публиковался лишь второй, южнославянский перевод XIV в.), по одиннадцати рукописям, древнейшая из которых относится к XIII в. Но одновременно он приводит соответствующие эксерпты из греческого оригинала памятника, публикуемые

(параллельно славянскому тексту, *sub linea*) впервые, причем критически: за основу взята рукопись Великой Лавры (В 108, XII в.), обозначаемая литерой L, а разночтения подводятся по кодексам Парижской национальной библиотеки (Coisl. gr. 37, XIII в., сигл С и Paris. gr. 876, XIII в., сигл Р – последняя привлекалась лишь в случаях лакуны). Насколько можно судить после беглого сравнения двух версий, перевод был сделан с рукописи, весьма близко родственной L (иногда глоссы с полей этого кодекса попадают в славянский текст, с. 188.10–11; 410.11–411.1, впрочем, иные глоссы были в общем прототипе L и С, ср. с. 418.1). Однако в большом числе мест славянский текст соответствует именно варианту рукописи С (см., например, с. 9.8; 27.1–2; 32.2–3; 47.5; 48.6; 68.2–3; 70.4–5; 84.6; 142.9–10; 207.1–2; 252.3–4; 385.10–11; 406.7–8; 409.6; 413.5; 460.1

⁷ Ю.А. Кулаковский (Указ. соч. С. 39) совершенно правильно отнес появление катафрактариев в римской армии ко времени правления Адриана (117–138).

⁸ *Markle III. Minor M. The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armour // AJA. 1977. 81. № 3. P. 339.*

и др.). Впрочем, поскольку в некоторых местах текст С уходит совершенно в сторону от согласованного варианта Афонской рукописи и славянского перевода (ср. с. 420; 428), следует признать, что прототип, с которым работает славянский книжник, являлся общим предком L и C, но в какой-то гипархетип С были внесены большие изменения.

В любом случае, тексты оригинала и перевода настолько близки (за исключением финала, с. 469), что кое-где последний помогает восстановить правильное чтение первого: например, бессмысленное $\xi\zeta$ $\nu\omicron\mu\lambda\sigma\alpha\tau\alpha$ (с. 418.8) благодаря славянскому тексту “S златникъ” (с. 418.7) можно реконструировать в $\xi\zeta$ $\nu\omicron\mu\lambda\sigma\alpha\tau\alpha$. Иногда славянский текст подсказывает вариант, выпавший в дошедших греческих списках: “велиаго” (с. 3.1), “святаго Василия” (с. 32.4), “попомъ и чернецьскыя чрь(не)цемъ” (с. 301.5), “и тоже приношенье” (с. 319.8).

Несмотря на все сказанное, нельзя утверждать, чтобы переводчик особенно хорошо разбирался в тексте, с которым он работал. Во-первых, в славянском варианте встречается множество прямых ошибок: “роукама” (при $\rho\omicron\upsilon\lambda\upsilon$ (с. 32.9–32.11), “приносимая облажения” при $\nu\omicron\mu\lambda\sigma\alpha\tau\alpha$ та $\pi\rho\omicron\sigma\eta\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$ (с. 34.7–34.7–8), “видении” при $\iota\delta\omega\mu\acute{\alpha}\tau\omega\upsilon\upsilon$ (с. 116.2–116.2), “седяща” при $\kappa\alpha\beta\epsilon\upsilon\delta\omicron\nu\alpha\varsigma$ (с. 117.5–117.6), “Моисии створи” при $\sigma\upsilon\nu\omicron\sigma\tau\omicron\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\phi\alpha\tau\rho\epsilon\lambda\alpha\varsigma$ $\rho\omicron\iota\omicron\upsilon\iota\tau\epsilon\varsigma$ (с. 179.3–179.4), “судьныхъ” при $\delta\pi\mu\omicron\tau\iota\kappa\omicron\upsilon\varsigma$ (с. 326.6–326.7), “въ церковныхъ вещьхъ творящехъ” при $\tau\alpha\iota\varsigma$ $\acute{\epsilon}\kappa\kappa\lambda\eta\sigma\iota\alpha\varsigma$ $\tau\rho\alpha\upsilon\mu\alpha\tau\epsilon\lambda\alpha\varsigma$ $\rho\omicron\iota\omicron\upsilon\iota\tau\alpha\varsigma$ (с. 331.4–331.4), “истребить ся” при $\epsilon\chi\epsilon\iota\rho\upsilon\omicron\rho\upsilon\rho\eta\theta\eta$ (с. 352.2–352.2), “печь-цемъ” при $\epsilon\mu\alpha\upsilon\kappa\iota\pi\alpha\tau\iota\omega\iota\alpha\varsigma$ (с. 427.6–427.9), “презреша” при $\upsilon\pi\epsilon\rho\epsilon\lambda\delta\omicron\upsilon\sigma\iota$ (с. 461.12–461.15) и т.д. Но еще важнее, что переводчик часто впадает в буквализм и очевидным образом не следит за смыслом оригинала. О том, где именно был выполнен перевод, мы, естественно, судить не беремся, быть может, специалисту что-нибудь смогут подсказать такие особенности славянских Пандектов как “конюсии” в качестве эквивалента для $\beta\omicron\rho\beta\omicron\nu\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\iota$ (с. 416.1–416.1), “наймиты” для $\nu\alpha\upsilon\tau\alpha\iota$ (с. 416.8–416.10), “сочиво мочено” для $\beta\rho\epsilon\kappa\tau\acute{\alpha}$ (с. 413.8–413.9), “отварен сочиво сух” для $\acute{\epsilon}\kappa\zeta\epsilon\tau\alpha$ $\delta\sigma\tau\rho\iota\alpha$ $\sigma\tau\epsilon\upsilon\nu\acute{\alpha}$ (с. 414.6), “капоуста” для $\delta\lambda\mu\alpha\lambda\alpha$ (с. 413.2–413.2), “оукропъ везижьныи” для $\theta\epsilon\rho\mu\delta\iota$ $\nu\epsilon\rho\omicron\nu$ (с. 412.8–412.14), “похвалу Богородице” для $\acute{\alpha}\kappa\alpha\theta\iota\sigma\tau\omicron\nu$ (с. 413.9–413.12) или “чърньца” для $\acute{\alpha}\beta\beta\alpha\alpha$ (с. 91.5–91.5).

Следует сказать несколько слов и об оригинале “Пандектов”, впервые, пусть и не целиком, увидевшем свет благодаря самоотверженной работе К. Максимовича. Казалось бы, жанр компиляции практически не позво-

ляет судить о личности компилятора – и тем не менее кое-какие выводы можно в предварительном порядке сделать. Никон, чьим духовным наставником был юродствовавший Лука Аназарбский, и сам пережил в юности увлечение юродством. Однако позднее он отверг эту форму аскезы – в его “Пандектах” не только содержатся два прямых пассажа с осуждением юродства (с. 269.8–207.7; 468.6–9 – кстати, в этом последнем пассаже не разобрался древнеславянский переводчик, истолковавший глагол $\sigma\alpha\delta\epsilon\upsilon\omega$ как “двигноти”), но и весь пафос этого сочинения направлен против религиозного экспериментаторства и веры в особую, личную харизму, противостоящую церковной. “Страшно и опасно для слабых душой принимать иные исповеди, но даже сильных и духовных людей они иногда тянут в пропасть” (с. 362.4–7); “Насчет творящих знамения, пророчествующих и сновидцев... не следует рассматривать делающих такое как святых... Многие выкрикивали пророчества, будучи обмануты и сами обманывая” (с. 323.1–4,7); “Следует избегать искушения (...) и не делающий этого подлежит обвинению. Тщетна надежда, что... в час искушения мы просто скажем: На Бога уповаем!” (с. 254.4–8). Впрочем, все это лишь самые поверхностные наблюдения.

Можно лишь поблагодарить К. Максимовича, оказавшего столь великую услугу византиноведцам. Набор греческого текста “Пандектов” осуществлен с минимальными опечатками. Разумеется, жаль, что памятник издан не целиком и что соотношение включенного и выпущенного никак не оговорено в предисловии. Можно пожалеть и об отсутствии там каких бы то ни было предположений о месте и цели перевода (на первый взгляд кажется, что “Пандекты” переводились совершенно не с теми задачами, ради которых писались). Но чего нет, о том не следует и говорить. Единственный упрек, который можно сделать издателю, – это недостаточная внимательность при сопоставлении оригинала и перевода: обязавшись в предисловии заключать в скобки те фрагменты греческого текста, которые были опущены древнеславянским книжником, он, однако, в целом ряде мест забывает это сделать (греч.: с. 21.1–2; 76.4–5; 78.3–4; 134.8; 135.3; 188.8–9; 330.10; 331.5; 413.2–4; 427.7–8, 11–12 и др.). Издание снабжено греко-славянским и славяно-греческим словоказателями юридически терминов, а также списком использованных Никонов источников с указанием их самостоятельных изданий.

С.А. Иванов